

1. Встреча

Издали Димарь принял её за подростка: худенькая, и причёска странная: волосы сплетены во множество косичек, похожих на толстых червей. Димарь изредка видел такие в городе, у молодёжи.

Когда она обернулась, выяснилось: сверстница. Или даже чуть старше.

– А, привет, – сказала она так, будто Димарь был её старым знакомым. – Слушай, помоги ножик найти, где-то тут посеяла. Посмотри свежим взглядом.

Димарь кивнул и прошёлся туда-сюда по полянке, старательно пялясь себе под ноги. Мельком заглянул в стоявшую на траве корзинку: белые да подберёзовики. Для себя, значит, собирала, не на продажу.

Не найдя ничего, вернулся к корзинке, приподнял её:

– Вот ваш нож. Под корзинкой был.

Она картинно шлёпнула себя по лбу:

– Как я сама не догадалась! Самое простое решение – обычно самое верное... Я Тина. – Она по-мужски протянула ему руку. – А ты, по всей видимости, Димарь.

Он так удивился, что машинально ответил на рукопожатие.

– Откуда знаете?

– Мальчишки рассказали. К нам мальчишки забегают, новости рассказывают. Рассказали, что Димарь приехал.

Мог бы и не спрашивать. В деревне все всё знают. А сектанты теперь тоже вроде как местные.

– Да вот... позавчера.

Автовокзал райцентра нисколько не изменился.

Серое здание с кассами и залом ожидания. Пассажирские платформы высотой в один кирпич. Металлические барьеры с облупившейся краской. Толпы народа, которые ждут своих автобусов, кому куда.

– Димарь! Здорово!

Вот и всё: теперь он снова Димарь, а никакой не Дмитрий Александрович. Ему стало хорошо от этой мысли.

Вован, хохоча, стиснул его в объятиях. И раньше-то был не худенький, а теперь в нём утонуть можно. Не зря в школе у него была кличка Полиглот. Это Светка Королькова его так назвала: мол, полиглот – то же самое, что проглот, только прожорливее во много раз. «Поли» – это и значит «много». Отличница Карина потом объяснила, что Светка ошиблась, да было поздно – прозвище приклеилось.

Двоём с Вованом сели в рейсовый «пазик». Тот самый, старый, с вырванными кнопками сигнала на выход и изодранными сиденьями, на ремонт которых ушёл не один моток скотча. Пассажиров в будний день было немного – так, несколько бабулек возвращались с рынка. Тут же началось: «Ой! Димочка вернулся!»

Что вернулся – так это сразу видно: у Димаря с собой две больших сумки. Почему вернулся – тоже, наверное, можно домыслить. Поэтому бабульки смотрели на него с лёгкой жалостью и лишних вопросов не задавали. Вернулся – и хорошо. Добрые всё-таки здесь люди.

Двое мальчишек, не то дошколят, не то первоклашек, с визгом промчались по салону. Добежав до задней площадки, запрыгали, как два индейца. Симпатичная тридцатилетняя блондинка в джинсовом костюме, расшитом бисером, покрашенная как на званый вечер, попыталась их утихомирить, прикрикнув на ребят, громко, но беззлобно.

Димарь глянул на детей, потом на маму. Нет, не узнал. Наверное, тётки Валина городская племянница и её дети.

Мальчишки опять заверещали и бросились обратно к маме. Вован поморщился:

– Э! Стрекулисты!

Вот я и дома, в очередной раз подумал Димарь. Там, где звучат слова, каких он больше нигде не слышал.

– Чё хоть нового у нас? – спросил Димарь, когда «пазик» тронулся с места.

Хотя что там может быть нового. Кто-то умер, кто-то уехал, женился, родился, ушёл в армию, вернулся из армии. Это не новости, это жизнь.

Как дела у семьи – Димарь тоже примерно знал. Мать открыла продуктовый магазин, прямо в доме, Мишка и его жена ей помогают.

Но Вован правильно понял его вопрос и сразу перешёл к главному:

– У нас тут, пока тебя не было, сектанты завелись!

– Да ты чё?

– Ага. На Краюхе два пустых дома купили и живут теперь.

– Что за сектанты? Много их? Чем занимаются? Народу мозги промывают?

– Да нет, знаешь. Их почти не видно. Сидят там у себя, своим хозяйством занимаются. Так, иногда в магазин ходят. Или, бывает, калымят: тётке Вале вон забор новый сделали. А денег не берут, еду взамен просят или там инструменты. Люди как люди, в общем.

– Да кто они? Адвентисты или «свидетели» какие-нибудь?

– Да нет, они вообще какие-то непонятные. – Вован пошевелил пальцами в воздухе. – Язычники, что ли. Одеваются во всё разноцветное, как цыгане, по вечерам у костра на барабанах играют. Мальчишки к ним бегают, и Евсейка тоже.

– Евсейка? Живой он?

– А что с ним, с дураком, делается...

Они посмеялись.

– И что, не обижает их здесь никто?

– Кого – сектантов? Да не, зачем. Сначала, конечно, боялись – мало ли чего у них там на уме. Потом как-то попривыкли. Если бы они к ребятишкам приставали со своими проповедями или девок наших трогали – разговор другой был бы. А так у них там своя жизнь. Разок только было, что Толян Короедов по пьяни к ним полез – сразу в шнопок получил!

– Чё, серьёзно?

– Да, есть там у них один. Бородатый такой, мощный. Спецназовец, может, бывший. Вот он его с одного удара в нокаут отправил.

– И правильно, пусть не лезет! Чё я, Только не знаю, он кого хошь достанет, когда пьяный.

– Вот пацаны тоже так рассудили и больше к ним не лезли.

* * *

В Тине, если не считать болотного имени и причёски, которая ей шла, ничего необычного не было. Её маленькое, веснушчатое, с резкими чертами, лицо в обрамлении этих косичек выглядело не то что красивым – убедительным, вот подходящее слово.

– Дим, не смотри на меня так, – попросила она. – Догадываюсь, что тебе про нас говорили. Давай сразу проясним: мы не сектанты, а дауншифтеры. Знаешь такое слово?

– Нет. Даунов знаю, дауншифтеров не знаю, – попытался схохмить Димарь. На Тину не произвело впечатления.

– Дауншифтеры – это кто добровольно переселяется из города в деревню.

– Зачем?

– Чтобы на природе жить, свежим воздухом дышать, хорошо питаться.

– А, понимаю. Дед Семёныч – есть у нас в деревне такой – говорил когда-то: «Вот увидите: настанет день, и народ из города в деревню потекётъ...» – Димарь старательно изобразил дедсемёнычеву манеру говорить, над которой смеялась вся местная молодёжь. – Я-то всегда хотел в город уехать. Уехал, ага... Лучше б не уезжал никуда.

Тина уселась на траву, вытянув босые ноги. Достала термос:

– Чай будешь?

– Не откажусь.

Чай у неё оказался какой-то особенный, травяной.

– Не скучно тебе здесь? – спросил Димарь, решив оставить церемонии, раз пошёл такой разговор.

– Нет, а должно быть?

– Я слышал, у вас там, в вашей общине, запрещены телефоны, компьютеры, телевизоры. И насчёт алкоголя – тоже ни-ни.

– Не запрещены. Мы добровольно от всего этого отказались, иначе какой смысл? Наоборот, отдыхаем от цивилизации. Такой кайф – не

дёргаться, никуда не спешить, просто жить и наслаждаться тишиной. Как сейчас.

– А если срочно надо будет куда-то позвонить – врачу, например?

– У нашего гуру есть один телефон – на самый крайний случай...

– Значит, есть у вас духовный лидер! А говоришь – не секта.

– Мы его так зовём – гуру, хотя он не столько духовный, сколько материальный лидер. Это он решил создать экопоселение. Купил дома, людей искал через интернет, на всяких эзотерических форумах. Так что мы все немного по этой теме: йога, восточная философия, Ошо, веганство... Но общей идеологии у нас нет. И каких-то строгих правил – тоже. Всё просто: хочешь – приезжай, живи. Надоело – уезжай.

– И как, справляетесь?

– Пытаемся жить на всём своём, но пока не очень получается. Ты только не думай, что если мы из города приехали, то ничего не умеем! У нас есть очень талантливые ребята. Вот, например, наш Тим. Ему всего девятнадцать, но он с деревом хорошо умеет работать, с детства у него такое хобби. Пока жил в городе, даже делал всякие штуки на заказ. Может хоть стол смастерить, хоть шкатулку.

– Это он тёте Вале забор сделал?

– Да. Бывает, ищем подработку в деревне. Наша сектантская репутация нам на руку играет: все знают, что мы ребята странные, но честные, а главное, непьющие и любую работу сделаем как надо и в срок.

Эта беседа была самым интересным, что случилось с Димарём с момента его возвращения в родную деревню. Поэтому и завершать её он не торопился. Да и Тине, кажется, было нескучно.

– Я покурую?

– Давай, кури. Я сама много лет курила, и не только сигареты. И мясо ела. Потом бросила. Проще жить, когда нет никаких зависимостей. И без мяса неплохо...

Димарь достал пачку, купленную ещё в городе, закурил последнюю сигарету.

– Вас тут не обижают? Точно? Слышал, на вас наезд был.

– Да не наезд, а так, недоразумение... Кто нас будет обижать, кому мы нужны! Нет, когда мы только сюда ехали, некоторые наши волновались. Мол, из деревень все нормальные люди давно уехали, а кто остался – тот спивается. Даже просили, чтобы гуру нашёл нам жильё в какой-нибудь совсем мёртвой, заброшенной деревеньке. Но он нарочно выбрал живую: сказал, что рядом с людьми будет проще. И знаешь, я смотрю на местных – очень даже милые люди.

– Я так скажу: кто мог спиться – тот давно спился. Кто хотел уехать – давно уехал. Остались только... – он усмехнулся, повторяя её слова: – Милые люди.

* * *

Вот уж от кого не ожидал, как говорится. Приехав домой, Димарь быстро понял, что здесь ему никто не рад. Разве что Петюня.

То, что мать в его отсутствие сошлась с Петюней, одиноким соседским мужичком моложе её лет на десять, непутёвым, но безобидным, Димарь знал от Мишки. Приютила у себя, после того как у Петюни дом сгорел, да так и оставила. Ну, оставила и оставила, её дело.

Но как только Димарь увидел Петюню своими глазами, ему стало противно. И чего мать с этим шутом гороховым спуталась?

Петюня во дворе дрова колот. Увидев Димаря, бросил топор и нена-
турально взмахнул руками:

– Ой, Димочка приехал! Варвара Ивановна, Димочка!.. Димочка!

Подпрыгивая, он побежал в дом.

Какой я тебе Димочка, подумал Димарь. И чего ты так скачешь? Ра-
дуешься, что работы по дому станет меньше?

Вышла мать.

– Вернулся. – И тем же неприветливым голосом: – Ну иди сюда,
дитятко.

Обнял мать. Замкнуть руки в сплошное кольцо не удалось. Раньше
удавалось.

– В твоей комнате сейчас маленький живёт, – сказала мать. – Вещи
свои на чердак отнесёшь.

Димарь был к этому готов. Он и раньше любил иногда ночевать на
чердаке. Зимой, конечно, там не поспишь, но до зимы ещё три месяца.

Пока обустроивался, нашёл свой кораблик. Когда ещё в школе учил-
ся, купил в райцентре сборную модель: баркентина «Вега». Долго кле-
ил, поставил на полку, так и стояла вплоть до его отъезда. Теперь валя-
ется среди хлама, бушприт и две мачты из трёх отломаны.

– Братуха, здорово... – Из отверстия в полу высунулся Миша.

– Привет, Мишань.

Брат забрался на чердак и хотел уже обняться, но Димарь показал
ему уродованный кораблик, и Миша замер с раскинутыми руками.

– Зачем сломали?

– Мы нарочно, что ли?

– Не хотели бы – не сломали бы.

– Да это Руся... сын мой.

– А как он его сломал? Как он вообще добрался до него? Он же стоял
на самой верхней полке!

– Ну чего, а? Не успел приехать – уже барагозишь. Ну я ему дал.

– Зачем?

– Чё за допросы? Он просил, я дал, а то бы обрелелся весь. Ну чё?
Слушай, я не виноват, что у тебя по жизни одни проблемы!

Димарь смотрел на свой кораблик и молчал.

– Ладно, я чё хотел-то... иди ужинать.

За стол сели все вместе: Димарь, Петюня и Мишка с семьёй. Есть
никто не начинал: все ждали мать. Как она их тут выдрессировала, а!

Вот и она появилась, уселась во главе стола – суровая, монументаль-
ная. Все как по команде взялись за ножи с вилками.

Долгое время ели молча. Говорить за столом без разрешения, види-
мо, не благословлялось. Наконец жена Миши не сдержалась.

– Руся, не хулигань курочку! – прошипела она и шлёпнула по затылку
сына, который не столько ел, сколько баловался. – Всю уже расхулиганил!

Снова здешние словечки. Димарь в своё время удивился, узнав от
жены, что нельзя «хулиганить что-то», а слова «расхулиганить» и вовсе
не существует в официальном русском языке.

Мать сердито посмотрела на жену Миши, потом на мальчика.
(Сколько ему уже? На вид не меньше пяти лет.) Кажется, сейчас она
будет говорить, раз священная тишина уже нарушена.

– Значит, выгнала тебя супруга, – громко произнесла мать.

Димарь кивнул, стараясь оставаться спокойным. Вот обязательно ей
при всех такими словами бросаться!

– И без копейки оставила.

Димарь пожал плечами: что есть, мол, то есть.

– Мы, бабы, такие, а ты как думал. А чего в городе не остался, работу бросил? У друзей бы пожил...

Димарь не стал рассказывать, что всех его городских друзей присвоила себе его бывшая жена. Сказал только:

– Да просто понял, что не могу там больше находиться...

– Слабак ты, весь в отца. И куда ты теперь?

– На первых порах думал – на пилораму, к Карabanцеву, а там видно будет...

– Не возьмут тебя на пилораму.

– Как не возьмут? Сколько раз брали! Я ж там с девятого класса подрабатывал...

– Им сейчас никого не надо.

– Как не надо?

– Заказов мало. – И всё-то она знает! – И денег мало. Чем больше работников, тем меньше им платить придётся. Так что Карabanцев сейчас никого новых не берёт. У него другая забота: как бы старых выгонять не пришлось.

– Кризис! – с умным видом добавил Петюня.

– И куда мне теперь? – спросил Димарь, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А к сектантам иди! – предложил Петюня. – А что, возьмут. Только зарплаты от них не дождётся, они ж денег не признают. Но с голоду помереть не дадут.

И с улыбкой на небритой, испачканной соусом физиономии оглядел окружающих: вон как я удачно пошутил!

Рука Димаря сама собой сжалась в кулак.

– Так! – воскликнула мать. – Погорельцам слова не давали! Сейчас сам у меня пойдёшь к сектантам. Пять минут на сбор вещей, время пошло.

– Варвара Ивановна, ну зачем вы так, это ж юмор! – расстроился Петюня.

– Да куда тебе пять минут, чего тебе собирать? Здесь ничего твоего нет. Пальто своё задрипанное надел да вышел.

Петюня заискивающе засмеялся в ответ.

– Смех смехом, а пристроить тебя пока некуда, – продолжала мать, сменив сердитый тон на задумчивый. – Мне в магазин пока тоже никто не нужен. Как-то же справлялись без тебя! Думать будем, вот что.

«Пристроить»! Будто он щенок или котёнок. Ясно, что мать его здесь долго терпеть не собирается. Хотя мало ли, вдруг действительно поможет.

Весь следующий день Димарь валялся у себя на чердаке, курил в окно, отдыхал от всех передряг, думал. Решил с утра взять корзинку и идти в лес. В некоторых здешних магазинах принимали лисички на вес. Небольшие деньги, зато свои.

2. Аллочка

Из леса возвращались вместе. Возле первых домов Тина остановилась.

– Всё, Дим, спасибо, что проводил. – Она забрала у Димаря свою корзину и опять пожалала ему руку. – Тебе прямо, мне направо.

– В обход, что ль, пойдёшь?

– Угу. Не люблю через деревню ходить.

Оно и понятно. Вон уже кто-то пялится на них. А, это дед Семёныч.

– Ещё увидимся?

– Если хочешь, Дим. Где меня найти – знаешь. Я не из вежливости, а серьёзно: хочешь – приходи. У нас ведь всё просто.

– Да у нас тоже.

На том и расстались.

– Димка! Ты, чой ли, с сектантами знаешься? – спросил Семёныч когда Димарь с ним поравнялся.

Тот остановился.

– Да не сектанты они. Просто люди, которым надоело в городе жить, они в деревню перебрались...

– Вот чо я те скажу, паря! Ты молодой ишшо, жизни не понимаешь, потому мотай на ус: в нашем государстве любое сборище – это либо пьянка, либо секта. Эти твои новые друзья вино пьют? Не пьют. Вот и соображай.

Он беззвучно расхохотался, показав свой единственный, заодно торчащий жёлтый зуб.

Димарь рукой махнул и двинулся дальше.

В первом же магазине у него приняли всю сегодняшнюю добычу. Можно было и до матери донести, она, наверное, тоже скупает и перепродаёт потом... Но Димарь уже решил, что ни копейки у неё не возьмёт, даже в обмен на что-то.

Не сходя с места, Димарь и сигарет купил. Теперь можно и домой.

* * *

– Мужчина, угостите даму сигаретой!

Хрипловатый голос раздался у Димаря за спиной, когда он возился со щеколдой, запирая калитку.

Он обернулся и узнал блондинку из рейсового автобуса, как оказалось вблизи – крашеную. На ней опять был джинсовый костюм, расшитый бисером. И опять размалёвана. Перед кем ей тут красоваться?

– У меня только вот... – Димарь вынул пачку.

– Сойдёт. – сказала она. Изящным, как ей, наверное, казалось, жестом выудила из протянутой пачки сигарету, чиркнула зажигалкой, затянулась, медленно выпустила дым. Всё это она проделала, изучающе глядя на Димаря. В автобусе не обратила на него внимания, а теперь вот пялится.

Потом женщина приняла красивую позу, картинно опершись о забор.

– Я Алла. – Она протянула ему руку. – Можно Аллочка.

– Дмитрий. – Димарь пожал ей руку, как недавно – Тине. По удивлённому лицу Аллочки понял, что она ждала не этого.

– Вы забавный. Недавно приехали, да?

– Да.

Знать бы, что она тут вообще делает. В лоб спросить – будет грубо.

– Варвара Ивановна сказала, что вы тут ненадолго. Я вот тоже – ненадолго. Приехала к тёте, а она одна живёт. От забора доска оторвалась, даже прибить некому.

– Про сектантов слышали? Позовите их, они вам что угодно прибьют.

Аллочка наигранно засмеялась:

– Давайте без сектантов обойдёмся! Варвара Ивановна говорит, что у вас золотые руки...

Да она бы такого сроду не сказала! Не при нём – точно.

Кажется, он начал понимать, что происходит.

– Намекаете, чтобы я к вам зашёл?

– Дима, ну что вы, ни на что я не намекаю. Но если вдруг захотите – приходите. Чао! – Аллочка затушила окурок о забор, щелчком отправила его в траву и ушла, оставив калитку распахнутой. Пришлось опять возиться со щеколдой.

Раздался шорох шагов. Димарь обернулся: теперь перед ним стояла мать.

– Познакомился с Аллочкой?

– Познакомился. Ты её позвала?

– Не понравилась, что ли? А кого тебе надо? Принцессу Диану?

– Мама, давай серьёзно: я не собака, чтобы меня с кем-то случать.

– Да, сын, давай серьёзно. Баба хорошая. Недавно с мужем-алкашом развелась, а ты не такой, ты нормальный, она тебя любить будет. Тем более двое детей – значит, не уйдёт от тебя никуда, как твоя шалава. А что чужие, детки-то, – так своих сделаете, она молодая ещё. Люди вон и в сорок пять рожают. И работу тебе поможет найти. Или сам найдёшь. Переедешь к ней в город – и найдёшь...

– Как-то это всё... неожиданно.

– Так я не говорю, что всё это завтра будет. В гости к ней сходи, познакомься поближе. А там видно будет...

Она уже всё решила, понял Димарь. И обвинить-то родительницу не в чем: обещала его «пристроить» – вот и пристраивает.

– Мамань, возьми. Тут немного... – он достал заработанные деньги.

– Себе оставь, раз немного. Ты думай давай насчёт Аллочки. Всё в твоих же интересах.

Повернулась и ушла. Последнее слово всегда за ней. Но главные слова – те, что не сказаны вслух, но подразумеваются. «Сделаешь по моему – не возьму с тебя ни за проживание, ни за питание. А нет – спрошу по полной».

Ситуация...

Самое поганое – что даже обсудить не с кем. Мишка – вечный подполдельник, хоть и отслужил, хоть и женился и ребёнка завёл. Другей у Димаря здесь не осталось: все одноклассники разъехались. Вот Вован Полиглот разве что...

Усевшись на скамейку, Димарь закурил. Достал телефон, открыл список имён. Тогда, в автобусе, Вован сказал, что не менял номер уже лет десять...

– Алё, Вован, привет! Димарь это. Айда завтра на рыбалку с утра?

– Димарь, я б с удовольствием, чес-слово... Жена не пустит. Лучше к нам заходи, как сможешь.

– Зайду как-нито. Покеда.

Сплюнув, Димарь потащился к себе на чердак.

3. Восемь

Войдя во двор поселения, Тина увидела двоих.

Ева – фигуристая барышня с бисеринками в длинных волосах – сидела на бревне и мечтательно смотрела в небо. На её языке это называлось

«общаться с космосом». Ева могла этим заниматься бесконечно долго. Змей – мрачный полуголый бородач, покрытый узорчатыми языческими татуировками – подтягивался на перекладине.

С заднего двора доносился стук: Тим опять что-то мастерил.

– Ну что, Тиночка, много нарвала? – Оживившись, Ева вскочила со скамейки и, картинно покачивая бёдрами, двинулась к Тине.

Ева, самая юная из всех, пришла в поселение последней, но быстро освоилась, а потом и обнаглела.

– Ты опять резала! – вскрикнула она, увидев лежащий поверх грибов ножик. – Я тебе сколько раз говорила: грибы нельзя резать, их надо срывать! Ты своим дурацким ножом наносишь раны планетарному логосу!

Это была вторая причина, почему Тина плохо переносила Еву: девочка слишком серьёзно относится ко всей этой эзотерической требухе. Или делает вид, что серьёзно относится.

– А когда срываю – не наношу?

– Нет! Нужно аккуратно выкрутить, присыпать землёй, погладить это место и попросить прощения!

– Каждый раз просить прощения или одного раза хватит?

– Да я бы на твоём месте каждый день просила прощения у Вселенной за сам факт своего существования!

Тина шагнула к ней. Ева тут же отпрыгнула:

– Только дотронься! Всё Кену расскажу!

Вот и первая причина для ненависти. Эта самозваная королева чуть что – сразу бежит жаловаться гуру, которого она единственная из всех звала Кеном (от полного имени Иннокентий). Думает, что с тех пор как стала его фавориткой, ей всё можно. Ходит и всем делает замечания, или прихорашивается у всех на виду, или общается с космосом – всё что угодно, лишь бы не работать.

К чести гуру, на жалобы Евы он никак не реагировал, но приструнить девочку почему-то тоже не собирался.

– Ну и дотронусь! – Тина замахнулась на Еву, та тут же ретировалась в сторону женского дома, там и спряталась. Это хорошо, решила Тина и направилась в мужской дом.

На пути у неё тут же возник Змей.

– Гуру у себя?

– Отдыхает. Ты насчёт Евы?

– Да! Пусть он уже уймёт свою... – Тина задумалась, подбирая слово помягче. – Наложницу!

– Не дёргай его по пустякам.

– Это, по-твоему, пустяки?

– Ева – глупая девочка, не обращай на неё внимания.

– Всё равно, мне надо к гуру.

– Нет, тебе не надо к гуру. Отнеси грибы на кухню и успокойся.

– И что, ты меня прогонишь? Или в нос дашь, как тому парню?

Это случилось летом прошлого года, субботним вечером. Подгулявшая компания местных парней подобралась к самому периметру (как называл его гуру), и один из них стал орать пьяным голосом: «Э, сектанты! Выходи! Знакомиться будем!» Слышны были голоса других парней: «Да ладно, Толь, хорош!» Потом раздался звон: буян бил висевшие на заборе горшки, которые слепила Шаграт.

Тина тогда бросилась к окну и увидела, как Змей выходит за калитку и неторопливо движется к парням.

– Не надо бить нашу посуду, – спокойным тоном попросил он.

– О! Хоть один мужик нашёлся. – обрадовался буян, который был крупнее не только остальных парней, но и самого Змея. – Здорово, что ль... – Он толкнул бородача в грудь и тут же рухнул.

Наступила тишина. Парни обалдело глядели вниз, на своего упавшего товарища.

Змей опустил руки, выйдя из боевой стойки, и приказал:

– Уберите. – После чего вернулся за периметр.

Тина долго смотрела вслед парням: двое из них тащили на себе обмякшего товарища, положив его руки себе на плечи. Голова буяна бесильно свисала, ноги волочились по земле.

Тина ожидала чего угодно – например, того, что жители деревни этой же ночью придут к ним с вилами и факелами и сожгут всё поселение, – но произошло чудо: на следующий день к ним заявила делегация парней и сообщила, что Толян был неправ по всем понятиям и теперь хочет проставиться. К ним вышел гуру и о чём-то долго говорил. Змей наблюдал за ними издали, скрестив руки на груди.

Разговор закончился тем, что парни, уважительно кивая, по очереди пожали руку гуру и удалились. С тех пор поселенцев никто не беспокоил.

– Нет, не дам, – сказал Змей. – И прогонять не буду. Подожди пять минут и сама поймёшь, что ты выше этого.

«Цепной пёс гуру», – подумала Тина, глядя в его мрачные глаза. У каждого своя роль. Змей – цепной пёс. Ева – наложница. Впрочем, у Тины не было к гуру никаких претензий: ведь это он всех собрал, всё организовал, на свои деньги купил эти дома и всё необходимое для хозяйства. Работал вместе со всеми, никогда не отлынивал. Он хороший, мудрый человек и место выбрал неплохое. А то, что какая-то капризная девчонка пытается испортить ей жизнь... да, Змей прав, она выше этого.

Пожав плечами, она отправилась в кухонный домик, а оттуда – в женский, отдыхать. Там и проторчала до самого вечера.

* * *

После ужина во дворе раздался ритмичный стук, возвещавший о начале вечернего собрания во дворе у костра.

Тина пришла последней. Окинула взглядом поселенцев: жилистый Тим и мужиковатая, коротко стриженная Шаграт вовсю обрабатывали ладонями туго натянутую кожу африканских барабанов. Они сидели вдвоём на коротком бревне. Напротив них – две девушки: Ева и смуглая изящная Анита. Угрюмый Змей, как всегда, сидел в стороне ото всех.

На отдельном, специально для неё приготовленном бревне расположилась детвора, хлопавшая в ладоши в такт грохоту барабанов. Рядом с ними – весёлый Евсейка, что крутил головой, хлопал себя по коленкам и качался всем телом.

События развивались по привычному сценарию. Музыканты поиграли ещё немного, постепенно замедляясь, и, наконец, остановились. Тим воскликнул: «Мне кажется, или кого-то не хватает?» После чего поселенцы вместе с примкнувшей к ним детворой стали скандировать: «Гу-ру! Гу-ру!»

Из мужского дома вышел хозяин этого места, степенным шагом пошёл к костру и в почтительной тишине уселся на свой трон, роль

которого играл обычный стул. Вот и все в сборе: три особи мужского полу и четыре – женского.

Гуру было около пятидесяти. Одевался он непримечательно, предпочитая старые джинсы и однотонные футболки. Никаких признаков просветления на его лице не наблюдалось – это было усталое лицо видавшего виды человека, изрезанное морщинами. Самая глубокая – посредине лба, вертикальная. Гуру обычно говорил, что это не морщина, а третий глаз, и каждый раз посмеивался, давая понять, что шутит. В отличие от прочих доморощенных адептов восточной философии которых Тина в своей жизни видела множество, он никогда не ударялся в витиеватые рассуждения о высоких материях, говорил всегда простым языком и только по делу.

Поселенцы по очереди рассказали, что случилось за день. Ева внимательно, с еле заметной тревогой смотрела на Тину. Та, мысленно усмехнувшись, рассказала про поход за грибами и встречу с Димарём, на этом и остановилась. Ева тут же перестала на неё пялиться и, когда очередь дошла до неё, тоже не стала жаловаться – ни на Тину, ни ещё на кого-то.

Выслушав всех, гуру сказал:

– Народ, у меня новость. Завтра нас станет восемь.

Поселенцы сперва переглянулись, потом захлопали.

Гуру поднял руку, призывая к тишине.

– Девочка называет себя Лотос. Завтра у неё день рождения: восемнадцать лет. Такой подарок себе решила сделать на совершеннолетие: уйти к нам. Наша задача – встретить её как следует. Встретим?

Поселенцы ответили радостным воплем.

Нормально, подумала Тина. Ещё одна девчонка, да ещё и совсем юная, даже моложе Евы. Теперь среди подопечных гуру соотношение полов будет пять к трём. Совсем уже на гарем похоже.

Стоп! Она ещё раз посмотрела на всех девушек поселения (в том числе и на себя – мысленно): четыре абсолютно разных типажа. Будто гуру подбирал их исключительно по внешности, чтобы не было двух похожих. Хотя почему «будто»? Скорее всего, так оно и было.

И скорее всего, желающих стать обитателем экоселения было больше. И наверняка, среди них были парочки, может даже с детьми. Но гуру брал только одиноких. Которые почему-то остались одинокими даже спустя два года.

Действительно, а почему? Женщины и мужчины в этом поселении живут отдельно, хотя ходить друг к другу в гости и ненадолго уединяться никто не запрещает. Но кроме гуру и Евы никто не уединяется. В чём же дело?

Конечно, Тим – этаким «хорошим парнем», девчонки с такими предпочитают дружить, а не шашни водить. Но Змей – настоящий мужчина в полном смысле слова, он мог бы заполучить себе любую из девушек поселения, но Тина ни разу не видела его с девушкой, как и Тима. Эти двое словно подчинялись негласному правилу: с девушками – только дружеское общение, и не более того. Право первой ночи, а также второй и всех остальных – у гуру.

Опять-таки, не то что Тина что-то имела против этого. Хозяин, как известно, барин. А гуру здесь хозяин. Ему всё можно.

Ева тем временем сидела с беззаботным видом. Вот смеху-то будет, если вскоре она лишится своего драгоценного статуса фаворитки!

Вновь застучали барабаны. Сейчас начнутся вечерние танцы, после которых спится легче. Но Тине не хотелось ни того ни другого – ни танцевать, ни спать. Она сидела, пока не осталась одна у потухшего костра.

Сильные руки легли ей сзади на плечи.

– Спать не пора? – спросил гуру.

– А тебя твоя малолетка не дождалась?

– Нет, сегодня она спит со всеми. Я сказал ей, что хочу побыть один.

– А сам ко мне? Взял, обманул девочку...

Его руки разминали её плечи. Тина поймала себя на мысли, что сощурилась за полтора года по этим сильным, умелым рукам. Она подавалась назад и прижалась к гуру спиной:

– Чего это ты вдруг?

– Ты на взводе. Тебе нужно расслабиться.

– Ты про наши тёрки с твоей подстилкой? Думаешь, мы тебя не поделили? Не надейся. Мне давно уже всё равно, а она даже не знает, что у нас что-то было, она же позже пришла. М-м-м... – протянула она. – Ты умеешь делать приятно.

Его руки двигались всё быстрее и настойчивее.

– Новую-то ты где откопал?

– Там, где и всех. В соцсетях.

– Ты, значит, ещё и в интернет заезаешь, а нам – фиг?

Ответом была тишина. Тина знала, что гуру беззвучно усмехнулся.

Она несильно оттолкнула его руки и встала:

– Спасибо, я расслабилась. Пойду спать. Нет, не к тебе. Доброй ночи.

И ушла, чувствуя спиной взгляд гуру.

4. Рыбалка

На завтрак были картофельные лепёшки. Впрочем, если не знать, из чего они, то и не догадаешься.

Тина обожала такие дни, когда на кухне дежурила Анита. Эта скромная девчонка знала, как приготовить из картошки пятьсот разных блюд – что особенно важно, с разным вкусом. Комбинировала какие-то специи, каждый раз – по-новому.

Пока лето, ели на открытом воздухе, сидя на брёвнах вокруг кострища.

– Кто-нибудь отнесите завтрак Тиму в мастерскую! – попросила Анита.

– А чего он сам не придёт? – Ева даже возмутилась.

– У него срочный заказ. Как только проснулся, заперся в мастерской, просил не отвлекать...

Анита заметно смущалась, когда речь заходила о Тиме.

– И что? Долго выйти, что ли? – не унималась Ева.

– Я отнесу, – сказала Тина и взяла из рук Аниты тарелку с лепёшками.

– Я на кухню. Кому добавки? – спросила та.

– Мне, Аниточка! – пробасила Шаграт. Она всегда лопает за троих.

Тина зашагала по тропинке между двумя домами. До того как гуру купил эти дома, здесь был забор.

За жилыми постройками прятались сарай, баня и мастерская.

Постучала в дверь мастерской, осторожно заглянула:

– Тим, доброе утро. Я отвлеку? Анита тебе завтрак прислала.

Полуголый Тим отложил рубанок, вытер пот со лба:

– Хорошо, как раз хотел передохнуть.

К его влажной коже кое-где прилипла стружка.

– Можно, я тут посижу?

Тим по-своему истолковал просьбу.

– От Евы прячешься? Посиди, если хочешь. Чай будешь?

В поселении чай пили все и всегда, у каждого в любое время суток были под рукой горячий чайник или термос, а в них – мате, улун, пуэр или любой другой из десятков вариантов, включая самый простой чёрный чай из местного магазина.

– Буду. – За чаем всегда можно узнать что-то интересное. – Анита говорит, у тебя заказ...

– Да. Одной женщине делаю новый стол.

– Срочно?

– Быстрее сделаю – быстрее заработаем.

– А что она даёт за него?

– Пять кило манной крупы.

Вот продавал бы Тим свой товар за настоящие деньги, а потом покупал бы на них продукты, прибыль была бы в несколько раз больше. Если бы не это дурацкое правило – деньгами, как и компьютерами и телефонами, пользоваться только в крайнем случае. Деньги хранятся у гуру.

– Ты продешевил.

– Возможно, – ответил Тим с набитым ртом.

– Ты нравишься Аните, знаешь?

Тим кивнул.

– А она тебе?

– И она мне.

– И чего ты бездействуешь?

– В смысле?

– Ты ей нравишься, она тебе нравится...

– Как человек, – уточнил Тим.

– А как девушка?

– Ну, и как девушка, конечно, тоже.

– Она красивая, да?

– Очень.

– И что тебя останавливает?

– От чего?

– Нет, у нас с тобой какой-то разговор глухого со слабоумным...

Тим, ты взрослый парень, мужчина уже! Неужели тебе бабу не хочется? Нормальную живую бабу!

Тим отложил недоеденную лепёшку и грустно посмотрел на Тину.

– Только не уваливай и не притворяйся ханжой. Скажи как есть!

Тим не стал сопротивляться:

– Хорошо, скажу как есть. Я люблю одну девушку. Её здесь нет. Мы с ней вместе учились, потом она от меня... – он запнулся. – Ушла. Мне пришлось бросить учёбу...

Он отвернулся, чтобы налить себе чаю.

– Ага, и теперь ты здесь. Ушёл в изгнание, чтобы красиво страдать из-за несчастной любви!

– Не старайся. Меня несколько не задевает.

– Да нет, я просто не понимаю. Ну пострадал, и хватит. Живи себе в удовольствие, как гуру живёт!

– Не трогай гуру, – мягко попросил Тим.

– Я не о нём вообще, а о тебе. Ты всю жизнь, что ли, теперь будешь один?

– Если даже да, то это мой выбор.

Он допил чай и вновь принялся яростно работать. Какое-то время Тина сидела, глядя на то, как из рубанка выползают полоски стружки, сворачиваясь в красивые завитки. Потом в мастерскую заглянула Ева:

– Тина, ты ещё здесь? Там тебя какой-то местный спрашивает.

Слово «местный» было произнесено так презрительно, что Тина не сдержалась:

– Мы с тобой теперь тоже местные!

– Мой дом – Вселенная! – возразила Ева.

Тина не стала с ней спорить – просто ушла.

У калитки стоял её вчерашний знакомец. С удочками в руках.

* * *

– Тина, привет, – сказал Димарь. – На рыбалку пойдёшь?

Тина вышла за калитку:

– Привет. Я бы на твоём месте не маячила здесь с удочками. У нас не принято убивать живых существ.

– А, прости... Как я не допетрил, вы ж вегетарианцы...

– Ты за этим пришёл? Позвать меня на рыбалку?

Эта женщина не любит намёков – Димарь это уже понял, поэтому сказал прямо:

– Ты сказала, чтобы я приходил, если захочу тебя видеть. Вот, пришёл. Поговорить хочу. Посоветоваться надо, а не с кем.

– Другой разговор. Подожди здесь, пойду отпрошусь.

Бывают же такие люди. Надо поговорить – давай поговорим. И неважно, что познакомились только вчера.

– Всё, я отгул взяла. Пошли, – сказала Тина, вернувшись к нему.

– Отгул? У вас тут всё так официально?

– Как-то так, да. Каждый может раз в неделю взять день на отдых и заниматься своими делами. Тем более я вчера хорошо за грибами сходила, сегодня имею право отдохнуть.

Димарь кивнул, вспомнив тяжёлую корзинку Тины.

Сначала шли молча. Димарь собирался с мыслями.

Тина то и дело убегала вперёд, шлёпая босыми ногами по грунтовой дороге. Подбежала к берёзе, подпрыгнула, повисла на толстом суку, как на турнике. Покачалась немного:

– У нас есть человек, который может подтянуться тридцать раз, прикинь? Я одного-то не могу. Когда-то умела на руках стоять. Вот смотри...

Тина прыгнула, нагнулась, упёрлась ладонями в землю, оттолкнулась ногами и выпрямилась. Секунды две простояла вниз головой, а потом мягко свалилась на траву и засмеялась.

Ведёт себя, как девчонка! Простота и искренность Тины нравились Димарю куда больше, чем жеманство Аллочки, все эти её позы и наигранный смех. Он даже позавидовал сектантам: живут как хотят, ведут себя, как хотят, и никого не стесняются.

– Вообще-то, Дим, мне тоже нужно с кем-то поговорить. Совета не прошу, просто хочу рассказать кое-что. Как и тебе, мне откровенничать не с кем.

– Тогда дамы вперед.

– Вот, смотри. Я вроде девочка взрослая, что-то в жизни понимаю, да? Так ты представляешь: полтора года я торчу в этой тусовке и только сейчас потихоньку начала втыкать, для чего всё это. Раньше, конечно, догадывалась, но не думала, что всё настолько просто. Наш гуру организовал поселение, собрал единомышленников – как думаешь, для чего?

– Ты говорила – чтобы пожить на природе, отдохнуть...

– Как выяснилось, это не главное. Вот смотри: нас семеро, соотношение полов примерно одинаковое: три мужика на четыре бабы. По логике вещей, мы за полтора года должны были разбиться на пары, но почему-то не разбились. Вот наш Тим, например, – милый паренёк. Я сегодня узнала, что у него была несчастная любовь и он с горя ушёл сюда, как в монастырь. Так до сих пор и страдает...

– Ну, бывает, чё.

– Бывает. Но что-то мне подсказывает, что он не просто так сюда попал, а прошёл некий отбор. Второй мужик, Змей – с виду просто герой боевиков, по таким все бабы млеют, а он – ни с кем, ни-ни, только вкалывает как ломовая лошадь и тренируется до изнеможения. То есть что получается: гуру, наверное, если бы мог, одних баб бы набрал в своё поселение, но без мужских рук тоже ведь никак, так он специально подобрал таких, чтобы конкуренции ему не составляли. А бабы у него на правах гарема. Видел блондиночку в шортах?

– Сочную такую?

– Да, такую. Вот она сейчас с ним путается. Но по секрету скажу, у гуру и с другими было.

– И тебя напрягает эта ситуация?

– Да, потихоньку начинает. А знаешь почему? Потому что все, кроме меня, обожают гуру. Я его уважаю, но не более того. Я начальство всегда уважаю, но если что – и послать могу. Я так двух работ лишилась в своё время. Вот, а для остальных он, кажется, царь и бог. Это я тоже начала понимать только сейчас. Мне вот интересно, что они со мной сделают, когда поймут, что для меня гуру – просто человек, такой же, как они.

– М-да... – сказал Димарь. – Не один я в дурдоме живу.

Он рассказал про всю ситуацию с матерью и Аллочкой.

– То есть не успел ты приехать, а она тебе уже невесту нашла? – серьёзно спросила Тина.

– Да. Она с тётей Валею давно дружит. Долго ли договориться?

– А мнения этой Аллочкой, значит, не спросили?

– Да она, наверное, сама ищет, какого бы мужика захмутать. А то одна с двумя пацанами...

– Мне не понять. Я тоже была замужем: спасибо, больше не надо. На втором курсе поженились, на четвёртом развелись. Брак – это такое дело – чем быстрее отмучаешься, тем лучше. Вот всё, что я поняла.

– Это точно, – закивал Димарь. – Странно, конечно, от женщины такое слышать...

– Просто ты к другим женщинам привык.

– Наверное... а детей никогда не хотелось?

– Пока что нет. Захочу – рожу.

«Люди и в сорок пять рожают», – вспомнил Димарь слова матери.

За разговором добрались до мелкой речки Стрижовки. Других рыбаков не было, оно и понятно: ловить здесь что-то – пустое занятие, но Димарь и не ставил цели что-то поймать.

Ему хотелось тишины. Той самой, особенной, которая бывает только на рыбалке.

– Пиво будешь? – спросил он, когда уселись на берегу.

– А давай, – ответила Тина, немного подумав.

– Тебе от твоих не попадёт?

– Наше поселение – территория, свободная от алкоголя. А чем я занимаюсь за периметром – никого не касается.

Она приняла из рук Димаря откупоренную бутылку, отхлебнула и весело сказала:

– Тьфу, гадость какая! Прямо ностальгия по студенческим временам. – Сделала ещё один глоток, побольше, и улеглась на траву.

– Я тоже был женат. Вот недавно всё кончилось.

– Я слышала, жена тебя выгнала...

– Да мало того что выгнала – судиться со мной хотела. Мне пришлось отказаться от своей половины квартиры, ещё и заплатить ей, только чтобы отвязалась.

– За что судиться?

– Якобы я нанёс ущерб её здоровью.

– Как? – Тина заметно оживилась. – Врезал ей?

– Да не, я на женщин руку не поднимаю. Якобы я её силой заставил сделать аборт. Она его по правде сделала, только я, конечно, обо всём узнал уже сильно потом. Она мало того что сделала его тайно от меня, так ещё и всем моим друзьям рассказала. Я, пока в городе жил, друзьями кое-какими обзавёлся, так она к ним ко всем в доверие втёрлась. Меня куда позовут, в гости там или куда, – она со мной идёт. И всегда на всех вечеринках самая весёлая, все в ней души не чают. Я-то, дурак, радовался. А она потом за моей спиной всем рассказывала, какой я деспот и как её притесняю. В итоге, как дошло дело до скандала, она всему миру развонила, что я её чуть ли не с ножом у горла заставил сделать аборт, и все поверили. С одним моим другом, с которым мы три года на соседних станках простояли, вообще чуть до драки не дошло. И как я после этого буду там жить, работать? Вот, оставил ей всё, собрал вещи и уехал.

– Зря ты ей в табло не прописал на прощание. – Закинув ногу на ногу и заложив руки за голову, Тина смотрела в прозрачное небо.

– Мне сейчас главное не сорваться. Боюсь, запью и на самом деле чего-нибудь не то сделаю... Смотри, клюёт! Тина, я серьёзно – клюёт! Чудеса какие!

Она вскочила:

– Чего сидишь, подсекай!

Димарь рванул леску на себя. Крючок был пуст.

– Сорвалось! Вот ты растяпа! – Тина отвесила ему подзатыльник.

В ответ Димарь слегка толкнул её. Тина упала на траву и закричала:

– Ты! Садюга! Вот так ты на женщин руку не поднимаешь! Да я на тебя сама сейчас в суд подам!

Она вскочила и принялась шлёпать его ладонями, Димарь с хохотом отбивался.

Боролись, пока оба не упали рядом на траву, и долго потом смеялись.

Потом Тина серьёзно спросила:

– Так что будем с твоей невестой делать?

– В смысле?
– Я так поняла, тебе помощь нужна.
– Наверно... только я не знаю, какая.
– Смотри! – Тина рывком приняла сидячее положение. – Эта Аллочка тебе на фиг не сдалась, так? Но если ты её отошьёшь, твоя мама подумает, что ты неблагодарная скотина. А мы этого не хотим. Значит, надо сделать так, чтобы она сама отшилась.
– И как?
– Да я уже всё придумала, как только ты мне рассказал про это дело. Допивай своё пиво, и пошли.

* * *

Со двора тёти Вали доносились визгливые крики и громкий плач. Подойдя поближе, Димарь и Тина увидели обоих «стрекулистов». Один из них сидел на крыше сарая и во что-то играл на телефоне, не забывая при этом отбиваться ногой от второго, который стоял на поленнице и пытался залезть на сарай.

– Дядя Дима, ну скажите ему, пусть отдаст! – сквозь слёзы потребовал тот, что стоял на поленнице.

– Мама мне дала поиграть! – тут же крикнул его брат. – Мне, а не тебе!

– Врёшь, она нам обоим дала! Ну скажите ему, я хочу в птичек поиграть!

– В каких птичек? – спросил Димарь.

Мальчик на поленнице показал, как оттягивает пальцем резинку невидимой рогатки, а потом отпускает её.

– А, «Энгри бёрдс»! – сказала Тина.

– Позовёшь маму – скажу, – пообещал Димарь.

Мальчик тут же спрыгнул с поленницы и убежал в дом.

Вышла Аллочка. В халате, с заколотыми волосами и без косметики она уже не выглядела особо симпатичной.

На лице её было выражение неприятного удивления. Видимо, сын уже сообщил ей, что дядя Дима пришёл не один.

– Здорово, – развязно произнёс Димарь. – Мы тут мимо проходили. Ты вроде просила доску какую-то прибить...

Тина погладила его по руке и томно произнесла:

– Дим, только недолго. Я буду скучать...

Аллочка внимательно осмотрела её с головы до ног. Сказала:

– Так идите, если шли куда-то. Что я вас, задерживать буду, что ли?

– Я же обещал... – напомнил Димарь.

Тина потянула его за руку:

– Ну, ладно, Дим. В другой раз зайдёшь.

На прощание она отправила Аллочке воздушный поцелуй.

– Мама, а почему дядя Дима с другой тётей? – раздался позади голос одного из «стрекулистов».

Следом за этим до Димаря и Тины донёсся звук громкого подзатыльника.

– Вот и всё! – Тина хлопнула в ладоши. – Проводи меня до поселения, чтобы уж наверняка.

Шли по деревне, держась за руки. Улица была пуста, один только Евсейка, подкравшись сзади, осыпал их кленовыми листьями. Тина взвизгнула от неожиданности, а Димарь выругался.

Евсейка засмеялся и запрыгал, хлопая в ладоши.

– Чего это он? – спросила Тина. – Раньше так не делал.

– Не знаешь? Он давно ещё, до того как я уехал, в каком-то фильме посмотрел, что во время свадьбы жениха с невестой осыпают лепестками роз, и с тех пор, как парочку увидит, так и норовит их листьями обсыпать.

– Ой, здорово! Спасибо, Евсейка!

Тот поклонился на прощание.

– Хорошее у него имя... – продолжила Тина, когда они уже отряхнулись и зашагали дальше. – Как у Горького был рассказ «Случай с Евсейкой».

– Да это не имя. Имя у него простое: то ли Вася, то ли Коля. Его так прозвали ещё при советской власти: Евсейка да Евсейка, так и пристало. А в честь чего прозвали – без понятия.

Улица, официально безымянная, а в народе известная под названием Краюха, кончалась. Справа домов уже не было. Слева – пустая изба, где раньше жила старуха Воробьяха. Потом будет небольшой пустырь, там когда-то стоял дом, заброшенный ещё до того, как родился Димарь. А после – крайние два дома, где сейчас экопоселение. То есть свидетелей уже не было. Тина могла бы и отпустить его руку, но почему-то этого не делала.

Димарь не стал относить это счёт своего мужского обаяния. Дураком он не был.

Тине хотелось, чтобы их видели вдвоём и те и другие. И деревенские, и сектанты. Значит, то, что она сделала, – она сделала не для него, а прежде всего для себя. Что ж, это честно.

У калитки стоял мужчина. Невысокий, безбородый, бритый наголо. Если бы Димарь не знал, что это какой-то там гуру, то принял бы его за бандита. Есть такие люди: посмотришь – и сразу понятно, что он опасен. Что-то особенное есть во взгляде, в чертах лица, в манере держаться. Такие всегда ведут себя спокойно, даже доброжелательно, и всё равно: кто знает людей, тот с первого взгляда всё поймёт.

Тина остановилась, обняла Димаря и поцеловала на прощание в уголок губ. Издалека, наверное, покажется, что и не в уголок, а в самый центр, по-настоящему.

– Пока, Дима. Приходи, если что, не стесняйся.

– Обязательно. – Димарь заставил себя повернуться и уйти, не оборачиваясь на ходу и не ускоряя шага.

5. Быть как все

– Твой новый знакомый? – спросил гуру.

– Да, а что? Хороший парень.

– От неё пахнет пивом! – закричала невесть откуда взявшаяся Ева.

– Значит, я пила пиво.

– У нас же нельзя пить пиво! Правда, Кен?

– У нас – нельзя, но я пила не у нас.

Они обе посмотрели на гуру. Тот молчал – формальности не были нарушены.

– Ты вовремя, – сказал гуру. – Скоро приедет Лотос, мы готовимся её встречать.

Ева фыркнула и ушла, вздёрнув носик.

Гуру продолжал смотреть на Тину.

– Всё в порядке? – спросил он.

– Абсолютно.

– Замуж ещё не зовут?

– А если да, то что?

– Ты свободный человек. Тебя здесь никто не держит, – слегка улыбувшись, изрёк гуру и удалился.

Новенькую ждали до темноты. На рейсовый автобус она не успела и добиралась на попутках, успев как раз к вечернему костру.

Она была не просто не похожей на Еву, а полной её противоположностью. Ева – ходячее торжество плоти, а Лотос казалась совсем бесплотной – маленьким тихим призраком с молочно-белыми волосами.

Гуру подвёл её к костру:

– Друзья! Сейчас на наших глазах рождается новая традиция.

К чему этот пафос, интересно? Обычно он так не говорит.

Он усадил Лотос на свой стул, отшагнул и сказал, негромко, но торжественно:

– Сегодня ночью ты будешь нашим гуру.

Тина еле сдержала смех, глядя на то, как изменилось лицо Евы. Её в своё время такой чести не удостоили. Оно и понятно: вряд ли гуру пришлось долго уламывать Еву. А в случае с Лотос он сразу догадался, что нужен особый подход...

Остальные поселенцы зааплодировали. Они и впрямь не понимали, что здесь происходит. Вместе с ними захлопали и пацанята, и Евсейка, который вдобавок захохотал.

– А что мне нужно делать? – спросила Лотос, когда смолкли последние хлопки. Голосок под стать ей: хрупкий, еле слышный. Типичная скромница-тихушница.

– Расскажи нам о себе и о том, что ты нам принесла.

Лотос сообщила, что устала от этого суетного мира – конечно, в восемнадцать-то лет – и пришла в поселение искать мира, любви и просветления. Тина подумала, что девочка, должно быть, провалила вступительные экзамены в какой-нибудь вуз, после чего, опасаясь гнева родителей, сбежала из дома.

Потом всё было как всегда: гремели барабаны, изящно извивались в танце Анита и Ева, потом к ним присоединилась Шаграт, бросив инструмент, и заплясала с медвежьей грацией. Вокруг них скакали мальчишки, Евсейка выделял нечто похожее на лезгинку. А гуру тем временем не отходил от Лотос и всё время подливал ей какого-то чая из собственного термоса. Лотос улыбалась со счастливым видом. Потом встала, уступая место гуру, – видно, решила, что хватит с неё почестей. Тот уселся на стул, притянул девочку к себе и усадил на колени. Прямо на глазах у всех, включая, конечно, и Еву.

Тине даже стало жаль экс-фаворитку. Раньше она не замечала за гуру такой чёрствости: зачем он так мучает девочку, неужели не видит, что ей больно? И остальные не видят?

Видят, конечно. Но гуру делает вид, что так и надо, а они повторяют за ним. Анита, весело смеясь, тянет Еву за руки танцевать дальше – та, усевшись на бревно, отпихивается. Отворачивается, трёт глаза рукой.

В чём смысл этой экзекуции – непонятно. Наверное, гуру хочет показать, что незаменимых нет.

Финал вечера был простым и закономерным: гуру встал со стула, держа разомлевшую Лотос на руках, и унёс девчушку в мужской дом. А Ева убежала в женский.

Войдя, Тина услышала рыдания. Ева ревела на весь дом, пока Тина умывалась из рукомойника и чистила зубы, ревела, пока Тина раздевалась. И когда Тина легла спать, Ева всё ещё ревела на полную громкость. Первые пятнадцать минут это было невыносимо приятно, потом – просто невыносимо. Пришлось встать и пойти в комнату к Еве.

– Так и будешь выть?

Ева, валявшаяся на кровати, уткнувшись лицом в подушку, зарыдала ещё громче.

– Эй! – Тина нелюбезно толкнула её в плечо. – Давай ты завтра будешь убиваться! Иди, мяты попей, что ли!

Вновь никакой реакции.

– Слышишь! Я тебя сейчас на улицу выкину!

– Я её убью-ю-ю-ю... – провыла Ева.

– Да это я тебя сейчас убью, если не захлопнешься!

Кто-то положил Тине тяжёлую руку на плечо.

– Мы не опускаемся до насилия, – сказала Шаграт.

– А не давать людям спать – это не насилие?

– Идём на кухню, чаю попьём.

– Ладно, идём. Подожди, накину что-нибудь.

Когда они вышли из женского дома, Шаграт протянула Тине какой-то комок.

– На, помни в руках. Хорошо успокаивает.

– Что это?

Мягкое и тёплое, податливое и приятное на ощупь...

– Глина.

Конечно, это глина. Шаграт – гончар.

– Пожалей Еву. Ты столько с ней воевала – и вот она проиграла. Имей жалость к побеждённым.

Тина остановилась посредине пустого двора и спросила:

– А ты?

– Что – а я?

– Ты имеешь к ней жалость?

– Что за вопросы? Конечно, мне её жаль.

– И почему ты молчала? Гуру унизил её на глазах у всех нас, и никто даже не подумал протестовать.

– Гуру знает, что делает. То, что пережила Ева, – важный опыт. Счастье не может быть вечным, а когда оно заканчивается – приходит страдание.

– То есть не жалеть Еву надо, а завидовать ей?

– Нет, я не то хотела сказать... Мне её жаль по-человечески, но я понимаю, что так надо.

– Да что ты несёшь, Шагратик? Сказала бы прямо: гуру творит что хочет, а вы не смеее возразить.

Шаграт взяла её под руку:

– Пойдём.

– Скажи честно, у тебя что-то было с гуру? – спросила Тина на кухне, отхлебнув из пиалы травяного чая.

– Конечно. И у меня, и у Аниты. Просто в отличие от некоторых мы это не афишировали. Тем более я вообще не по этой части.

– А почему же ты тогда с ним?..

– Как – почему? Это же гуру!

– Ты тоже его боготворишь?

– Нет. Просто благодарна ему за этот мир, который он мне подарил.
– Я тоже благодарна. Ну и что теперь? Ублажать его по-всякому?
– Так говоришь, будто у тебя самой с ним ничего не было.
– Было. Но с тех пор я прозрела!
– А раз прозрела, что ты здесь делаешь? – спокойно спросила Шаграт.
– Я не хочу отсюда никуда уходить! Я свободный человек! Мне здесь нравится!

– Однажды тебе придётся выбирать, дорогая моя: быть как все – или уйти.

– И тебе нравится быть как все?

– Это невысокая плата за душевный комфорт.

Тина положила комок глины на стол, рядом поставила пиалу.

– Я спать пойду.

– Пойдём.

– Я первая, – она вышла и быстрым шагом вернулась в женский дом.

Рыданий Евы уже не было слышно. Заглянув к ней в комнату, Тина увидела, что рядом с Евой лежит Анита. Пришла, обняла, стала успокаивать, да так обе и уснули.

Тина ушла к себе. Спать ей совершенно расхотелось.

«Быть как все». Сколько раз за свою жизнь она слышала эту фразу!

Но меньше всего она ожидала услышать её здесь.

6. Настоящее

– Ко мне с утра тётя Валя приходила. Молока парного принесла, – со значением сообщила мать за завтраком.

Димарь одобрительно кивнул. Молоко – это хорошо.

– Рассказала мне тут про тебя. Ты, значит, с сектантами путаешься?

– Может, и путаюсь. Моё право. Я взрослый человек.

– Да какой там! Как был дитём, так дитём и остался. Не успел приехать, как они тебя уже в оборот взяли, и когда только успели!

Мать сделала паузу, словно потеряв дар речи от возмущения. Петюня не преминул вклиниться:

– Всё-таки решил к сектантам перебраться?

– А может, и решил.

Петюня захихикал, но осёкся, когда мать негромко шлёпнула ладонью по столу.

– С ума сошёл, что ли? – очень тихо спросила она. – А люди что скажут?

– А мне всё равно.

– Тебе – да. А о матери своей ты уже, значит, не думаешь?

Димарь небрежно пожал плечами:

– Сама же говорила, что вы и без меня как-то справлялись...

К его удивлению, мать полностью сменила тон:

– Да мало ли что я говорила! Нашёл кого слушать – старую бабу...

– Варвара Ивановна, вы вовсе не старая... – залепетал Петюня, но мать его не слушала:

– Димочка, я всё понимаю: ты такое пережил, что не дай бог никому. Тебе отдохнуть надо, поесть хорошо, отоспаться.

– Да я бы отдохнул, если бы дали. А ты тут мне Аллочку свою сватаешь...

– Никого я тебе не сватаю! Забудь про неё, раз не нравится.

Вот как она запела – стоило только припугнуть.

– Отдыхай, отдыхай, сыночек, – повторила мать. – Правда, чего я на тебя насела. Отдыхай, родимый.

После завтрака Миша с матерью уехали в райцентр за товаром. Брат мог бы и один справиться, но мать, по всей видимости, не могла ему доверить такое важное дело.

Жена брата ушла открывать магазин, Петюня остался присматривать за Русей. А Димарь отправился к себе на чердак, отдыхать. Валять-ся, курить, слушать радио и листать старые книги.

Его одиночество прервал Петюня:

– Димочка, там... к тебе.

– Кто?

– Да эта... твоя...

Хорошо, что мать уехала! А то Петюня побежал бы сразу к ней, тогда бы Димарь даже не узнал, что к нему приходили.

Пока спускался – прислушивался к себе. Очень боялся, что после развода с женой у него внутри ничего живого не осталось. Вот что он сейчас чувствует? Рад, конечно, но не более того. Будто что-то само собой разумеющееся произошло.

Тина стояла за прилавком, рядом с женой Миши, которая рассматривала её косички, держа несколько в руках.

– И сколько стоит такие сделать?

– Хочешь, я тебе бесплатно сделаю?

– Зачем, я просто так спросила, из интереса... – жена Миши заметно погрустнела. Видно, подумала о том, что с такой причёской её не поймут.

– Дима, привет! – Тина обняла Димаря и поцеловала в щёку, громко и мокро.

Он, в свою очередь, приобнял её за талию:

– Привет, а ты как здесь? Отпросилась?

– Кто меня отпустит... Нет – меня в магазин отправили, а в какой – не уточнили. Я и пришла к вам.

– Это ты молодец. А зачем в магазин? Вы же без денег живёте?

– Пытаемся. Есть вещи, которые можно получить только в магазине и только за деньги. Зубная паста, например. Батарейки.

– У нас того и другого навалом.

Она не торопилась разжимать руки вокруг его шеи, он не убирал руку с её талии. Краем глаза Димарь заметил, что жена Миши – как там её зовут? – смотрит на них с улыбкой.

– Тогда отпусти меня, я всё куплю, а потом можешь меня проводить.

* * *

– Ничего, что я курю всё время? – спросил Димарь на улице.

– Ой, Дим, да хватит уже. Все мои мужчины дымили, как паровозы. Почти все. Но ты бы лучше бросал, правда. Переходи на вейп.

– Это типа электронных сигарет?

– Типа того. Что у тебя нового?

Димарь пересказал семейный разговор за завтраком. Тина долго смеялась.

– Я уже думаю: может, и правда к вам? – добавил Димарь, будто в шутку. Но Тина ответила вполне серьёзно:

– Ещё два дня назад я сказала бы: «Да, давай к нам!» Сейчас уже не уверена, что сама там продержусь долго. Мне уже два человека намекнули: что-то не нравится – выгоним. Мне, с одной стороны, всё нравится, с другой – понимаю, что всё это не то. Мерзкое дежа вю. Я в студенческие времена с неформалами путалась, думала, что они мне откроют какую-то правду жизни. С одним из них даже расписались по приколу, комедия на два года растянулась. Ладно хоть поняла, что и мой так называемый муж, и его друзья – просто скопище тунеядцев, которые только и делают, что бухают, и траву курят, и изображают, будто у них такой протест против общества потребления. Ненастоящее это всё. Я попыталась стать нормальной, работу в офисе нашла. И поняла, что и это ненастоящее. И вот опять – то же самое чувство.

– Если хочется всё бросить и уйти – бросай и уходи.

– А мне некуда больше идти.

– Вот и мне.

– Какие мы с тобой бедные! – Тина остановилась и обняла его, уткнувшись лицом ему в грудь.

Стояли так долго. Потом двинулись дальше, как ни в чём не бывало продолжая разговор.

– Я вообще понимаю, про что ты толкуешь, – сказал Димарь. – Раньше не знал, как это сказать точнее, теперь знаю: я вот хотел, чтобы всё было как у людей. Работа, семья, детишки. Думал, что с Валею – это жена моя бывшая – всё будет как надо. А оказалось, что всё это, вот как ты сказала – ненастоящее. А где оно, настоящее?

– Знала бы – я бы уже там была, – Тина грустно улыбнулась. – Но я не знаю. И что делать дальше – тоже не знаю. Ещё лет десять назад я бы просто вышла на трассу...

– На трассу? – ужаснулся Димарь.

– На трассу – в смысле, автостопом путешествовать, а не то, что ты подумал. Я достаточно по стране поездила. Сейчас уже не рискну. Во что я превратилась – самой страшно!

– Да, та же лабуда. Я вот когда-то из деревни уехал: первый год комнату в общежитии снимал, питался одними бомж-пакетами, работу нормальную искал. Потом жизнь маленько в гору пошла. А теперь как представлю, что всё с начала начинать... Хочется просто лечь и больше не вставать.

– Ты смотри, над собой ничего не сделай!

– Не дождётеесь.

Тина опять остановилась:

– Так, Дима: провожать меня до конца сегодня не надо. Давай сюда мой пакет. Даже не знаю, когда ещё вырвусь к тебе, поэтому мы делаем так: сегодня ночью после отбоя я выберусь за периметр. Ты же хочешь меня видеть? Я знаю, что хочешь. Вот, приходи в полночь на Краюху, сядь где-нибудь, чтобы тебя наши случайно не заметили. На пустыре, например. Я выйду.

– Серьёзно, в полночь? А если спать захочешь? Вы ж там работаете с утра до ночи...

– Да, картошку потихоньку копать начинаем. Но это мои проблемы. Пуэра напьюсь – и к тебе. Всё, пока.

* * *

За обедом Тина удивилась, что Ева ещё здесь. На месте этой девчонки она бы ещё ночью собрала вещи и ушла куда глаза глядят. Да хоть

без вещей. Хоть босиком. Надо же иметь минимум уважения к себе. А она сидит, вяло жуёт. И не сказать, что грустная – вялая, равнодушная.

Сломалась. Уже. Так легко. Вот Тина бы на её месте...

Так ведь она же была на её месте! Полтора года назад, когда поселение только-только возникло. Да, у них с гуру была интрижка, как Тина это мысленно называла. И она, в отличие от Евы, никогда не воспринимала это всерьёз. Когда всё кончилось – не переживала и не интересовалась, есть ли у гуру что-то с остальными. А если бы даже она вдруг и почувствовала себя уязвлённой – уходить ей всё равно некуда...

Вот оно! Тина с силой бросила деревянную ложку в глиняную миску, из которой хлебала овощное варёво.

Гуру отбирал для своего поселения не просто одиноких людей, а тех, кому некуда возвращаться. Еву тоже никто не ждёт, поэтому она и не убежала никуда, позволив над собой глумиться.

Раньше, конечно, гуру так себя не вёл со своими поселенцами. Внезапно осознал свою силу и власть? Вряд ли: гуру мудр, у него ничего не бывает внезапно. Всё происходит именно так, как он запланировал, и именно тогда, когда ему нужно. Видно, пришло время показать поселенцам, кто здесь хозяин-барин, а заодно выявить несогласных.

Самого гуру в поле зрения уже не было: поел и ушёл к себе.

Сидевшая рядом Анита тронула Тину за плечо:

– Что случилось? Невкусно?

Вообще-то да, невкусно. Шаграат отлично управляется с топором и гончарным кругом, но готовить ей не надо.

– Вот представь себе: если бы поселение закрылось – ты бы куда подалась?

Анита со страхом посмотрела на неё:

– Ой, а зачем оно закроется?

– Ну, мало ли. Может, сельские на нас пожалуются. Нас признают экстремистской организацией и разгонят.

– Ужас какой! – громко прошептала Анита, глядя перед собой. – Мне ведь некуда больше пойти...

– А семья у тебя есть?

– Семья меня убьёт, если я вернусь... По-настоящему убьёт. И никто меня потом не найдёт.

– Тина, что за пораженческие настроения? – со смехом воскликнул гуру, появившийся сзади. – Ай-ай-ай!

Этого ещё не хватало!

– Ну, по-всякому же бывает! – попыталась отговориться она.

– В нашем поселении всё бывает только так, как захотим мы! – Его голос стал строгим. – Или ты думаешь, что это не так? Взгля, девочку напугала.

Поселенцы, оторвавшись от еды, дружно пялились на Тину.

– Простите, мне сон дурацкий приснился... – пробормотала она. – Настроение плохое.

– Лучшее средство от плохого настроения – что? – Гуру посмотрел на свою новую фаворитку.

– Медитация! – уверенно ответила та.

– Начинай, – приказал гуру.

Лотос послушно отложила тарелку, зажмурилась и замычала: «Ом-м-м-м». Остальные поселенцы повторили это.

«Застрелите меня, кто-нибудь!» – подумала Тина. Пришлось замычать вместе со всеми. Лишь бы отстали.

Первым, что услышал Димарь, войдя домой, был незнакомый голос:
 – Сколько раз я говорил: не разбрасывай игрушки по всему дому!
 Играй у себя в комнате! А если вытащил игрушку из комнаты – возвращай на место, не бросай!

Какой-то мужчина отчитывал Русю командирским голосом. Кто бы это мог быть? У брата Миши голос не такой – спокойный, как и сам Миша. И Димарь хоть убей не мог вспомнить, чтобы брат хоть раз повышал тон или пытался кем-то командовать.

Голос доносился из кухни. Димарь заглянул туда.

Увидев его, Петюня отчеканил:

– Ярослав, иди к себе в комнату.

Детёныш безропотно подчинился.

Всё тем же командирским голосом Петюня продолжил:

– Дима, ты опять с этими сектантами якшаешься?

– И дальше что? – Димарь так быстро справился с удивлением, что, можно сказать, вообще не удивился.

– Я буду вынужден рассказать об этом Варваре Ивановне!

– А в грызло? – добродушно поинтересовался Димарь.

– Это мой долг – рассказать... – попытался оправдаться Петюня, стремительно теряя металл в голосе.

– А как ты будешь рассказывать со сломанной челюстью? – Димарь

посмотрел на свой кулак: большой, между прочим.

Петюня сел на табуретку. Пригорюнился. И, почти плача, заговорил своим обычным голосом:

– А почему сразу в грызло? Если я не расскажу, а Варвара Ивановна узнает – буду виноват. Так и так достанется.

– Пётр, тебе сколько лет? Сорок?

– Сорок три! – Петюня всхлипнул.

– Вот и веди себя как взрослый мужик!

– Легко сказать... Варвара Ивановна, если что не так – сразу выгонит...

– Боишься? А ты не бойся. Ну выгонит – уйдёшь ещё к кому-нибудь. Вот хоть к Аллочке. Если уж ей так сильно нового мужа надо, то, наверно, и ты сойдёшь.

Петюня посмотрел на своё отражение в стеклянной дверце посудного шкафа и приосанился.

– Вот и молоток, – одобрил Димарь и отправился к себе на чердак.

7. Суд

После отбоя прошло двадцать минут

Тина приоткрыла дверь и выглянула во двор.

Заметив какое-то движение, тут же спряталась.

Новенькая, в полной темноте ещё больше похожая на призрак, шла в сторону туалета. Белые волосы, белая майка до колен – белое пятно плывёт над землёй.

Гуру, наверное, уже спит. Прошлой ночью утомился.

Тина подождала, пока Лотос войдёт в деревянную кабинку и закроет за собой дверь, и вышла наружу.

Стоп, а зачем она закрыла дверь? Там же нет света! Ночью лучше оставить дверь открытой, так будет хоть немного видно. Или посветить чем-нибудь...

В туалете зажётся свет, вырвавшись наружу сквозь щели в стенах. Слабенький белый свет, совсем не напоминавший свет фонарика, электрической лампочки или свечи. Скорее было похоже, что у Лотос там телефон.

Но свой телефон она вчера торжественно сдала на вечное хранение гуру. Значит, у новенькой есть ещё один! Кому она, интересно, собралась звонить за полночь?

Женское любопытство заставило Тину подкрасться к туалету и прислушаться. Внутри было тихо. Значит, не говорит, а сообщения отправляет или что-то ещё. Что?

На цыпочках Тина обошла туалет кругом. Отыскала подходящую щель. Затаив дыхание, заглянула внутрь.

Лотос держала в руке небольшой смартфон с сенсорным экраном. На экране – карта. На карте – значок в виде красной капельки, означающий: «вы находитесь здесь».

Она кому-то передаёт координаты поселения. Кому? Зачем? Другим желающим здесь поселиться? Не зря гуру говорил: чем меньше людей будет знать о поселении – тем лучше, а то понаедет толпа народа, плюнуть будет некуда. Только зачем этим желающим координаты? Достаточно написать название деревни, а там люди покажут...

Забавно будет посмотреть на гуру, когда сюда действительно притащится целая толпа! С этой мыслью Тина вышла за периметр.

* * *

Вернулась спустя примерно сорок минут. Прежде чем открыть калитку, ещё раз отряхнулась, поправила майку, понюхала её – пахло мужчиной, то есть, куревом и крепким потом. Надо будет первым делом кинуть её в стирку.

Как только Тина вошла за периметр, кто-то схватил её и рванул к себе. Тина наугад попыталась вонзить ногти ему в лицо – пальцы увязли в жёсткой бороде. Змей!

Тина даже забыла, что сопротивляться бесполезно. Её охватила ярость. Она вцепилась в эту бороду обеими руками и дёрнула со всех сил. В ответ мощные руки стиснули её шею. Тина захрипела, из глаз брызнули слёзы.

Хватка немного ослабла. Змей куда-то потащил Тину, продолжая держать её за шею одной рукой.

– Пусти...

Он молчал, продолжая волочить её.

Дойдя до сарая, Змей бросил Тину на траву. Вытащил связку ключей. Было темно, нужный ключ ему пришлось искать на ощупь.

– Змей! – простонала Тина, растирая нывшую шею. – Ты ведь служил в армии?

Ключи на мгновение перестали звенеть.

– Я воевал.

– То есть ты солдат! Как может солдат делать больно женщине?

Змей не ответил.

– Гуру приказал, да? А если он тебе застрелиться прикажет – ты и это сделаешь?

Молчание.

– Чего ты перед ним пресмыкаешься?

– Долг.

– Ты ему должен денег, что ли?

– Не денег. Деньги я был должен другим людям.

– И что? Ты бы с любыми коллекторами разделался!

– Я – да. Могла пострадать моя жена. Бывшая. И мой сын.

– Дай угадаю: гуру вернул твой долг, и теперь ты ему служишь, как верный самурай...

– Иннокентий – настоящий человек, сейчас таких мало осталось.

– Настоящий? А как ты это определяешь?

– Только у настоящих людей много врагов. Вставай. – Змей, наконец, справился с замком.

Тина подчинилась. Бежать или кричать лучше не надо, это она уже поняла.

– Последний вопрос: это Ева меня заложила? Змей, ну не молчи! Ты мне чуть шею не сломал, компенсируй хотя бы этим!

Змей, обычно невозмутимый, даже усмехнулся такой логике:

– Да, она проснулась и увидела, что тебя нет. Всех подняла на уши.

Гуру сказал, что разберётся с тобой утром.

Он и разговорчивым может быть, когда захочет. Выдал больше информации, чем хотел.

У гуру много врагов. Если Змей знает об этом – значит, стал его телохранителем задолго до того, как прибыл сюда.

Кто эти враги? Сколько их?

Может ли быть так, что гуру создал это поселение просто ради того, чтобы было где залечь на дно? Может ли быть, что враги ищут его, что они заслали в поселение своего шпиона, точнее шпионку, чтобы та передала им точные координаты этого места?

Вернее всего, гуру никогда бы не нашли, если бы он прервал всякие контакты с внешним миром. Но ему хотелось свежего мяса, поэтому он продолжал вести переписку в соцсетях. Не от своего имени, конечно, но его враги знали, что он – это он. Не знали только, где его найти.

Лотос вступила в переписку с гуру. Тот долго проверял её на «совместимость», девочка ему подыгрывала. Наконец, гуру пришёл к выводу, что Лотос годится на роль новой наложницы – не обошлось без изучения её аккаунта в соцсети или даже проведения сеанса видеосвязи по Скайпу, – и рассказал, как добраться до поселения. Подумал, что такой ангелочек не может быть связан с его врагами. А ангелочек просто оказался хорошей актрисой.

Почему же всё-таки приехала она сама, а не те, кто её послал?

Потому что им нужен свой человек внутри поселения. Они хотят, чтобы всё прошло идеально. Они долго охотились на гуру и боятся его упустить.

Странно и страшно. Но ей это ничем не грозит. Наоборот – появился ценный козырь.

Тина думала об этом до самого рассвета, лёжа на деревянном полу сарая. Глаз так и не сомкнула.

Услышав, как открывается замок, встрепенулась и быстро встала.

– Доброе утро, перебежчица, – сказал гуру.

– Доброе... – мрачно ответила Тина.

Он наклонился и громко принялся к её футболке.

– Запах разврата. – В его голосе слышалось удовольствие. – Похотливая тварь!

Гуру по-собачьи лизнул её щёку.

Тина попыталась вlepить ему пощёчину. Гуру схватил её за руку и умело вывернул.

Тина вгрызлась в нижнюю губу, чтобы не закричать от боли. Много чести для этого урода!

– Сопротивляйся сколько хочешь! – Тихий голос гуру стал хриплым от ярости. – Думаешь, я буду делать это сейчас? Нет! При всех! Чтобы все видели! Я скажу, что это специальный ритуал для просветления! Или вообще ничего не скажу, пусть думают, что хотят. Всё равно никто из ЭТИХ не посмеет даже пикнуть!

– Если ты это сделаешь... за меня отомстят!

– Кто? Твой деревенский дружок?

– Он не один!

– Змей со всеми разберётся.

– А если они тебе ночью подпустят красного петушка? Тоже разберётся?

– Ах ты, сука, – сказал гуру. И отпустил её руку.

Тина принялась растирать запястье.

– Тебе не нужны лишние проблемы, – сказала она. – Как и мне. Отпусти меня, и закончим с этим. Хоть сейчас вещи соберу. Живите как хотите.

– Так просто ты не уйдёшь. Сиди пока.

Гуру вышел. Вновь лязгнул замок.

* * *

Суд начался после завтрака.

Змей вывел голодную, измученную бессонной ночью Тину из карцера-сарая и проводил к кострищу, где собрались на брёвнах все поселенцы.

– Друзья мои! – сказал гуру – как всегда, будничным тоном, без всякой торжественности в голосе. – Все мы здесь – свободные люди, правильно? Я хоть раз требовал от вас, чтобы вы мне подчинялись – я уже не говорю «поклонялись»? Насколько я помню – нет! Я ваш друг, а вы – мои друзья. А друзья ничего друг от друга не требуют. Так?

Поселенцы закивали.

– У нас нет ни законов, ни правил. Нам этого и во внешнем мире хватало. Здесь мы строим жизнь по одному принципу. Мы уважаем друг друга. А что такое уважение? Мы не травим своё и чужое здоровье сигаретами, алкоголем, наркотой. Мы встаём и ложимся спать в одно и то же время. Работаем все вместе. Не пользуемся разными электронными игрушками, которые только время отнимают. Это же прекрасно! Кто не согласен – пожалуйста, уходи, мы насильно никого не держим. Мы ж не сектанты какие-нибудь!

Ева засмеялась громче всех, с ней – Шаграт и Анита. Последняя, впрочем, только делала вид, что смеётся. Тим сидел с растерянным видом – он, кажется, понимал, что происходит что-то не то. От Змея ждать проявления хоть каких-то эмоций было бесполезно, Лотос тоже была равнодушна. Ещё бы, свою миссию она выполнила ночью.

– Уже больше года мы существуем, – продолжал гуру со вздохом. – Я уже и не думал, что доживу до такого момента, но он всё-таки

наступил. Тина перестала быть нашим другом. Тина не просто не уважает нас – она этого даже не скрывает! Я молчал, когда она ругалась с нами, терпел, когда она пила пиво. Даже когда она зачем-то стала всех пугать, что поселение скоро закроют, – я не стал реагировать. Но сегодня ночью она убежала за периметр, чтобы... сношаться со своим деревенским дружкой! Вернулась вся измятая, истасканная, пропахшая куревом!

– Фу-у-у-у! – закричала Ева, оглядываясь по сторонам и всем своим видом требуя от остальных, чтобы те подхватили её крик. Но остальные молчали.

– И что, это плохо? – спросила Тина. – А как же свобода, которую ты нам обещал?

– А что такое свобода, по-твоему? Захотела – убежала к хахалю, захотела – вернулась? Сегодня ты ушла на час, завтра – на ночь, а потом что? На неделю уйдёшь? Я предлагаю до этого не доводить. Если ты не раскаиваешься...

– Нисколько!

– Значит, мы попросим тебя уйти. Не я попрошу – это не моё личное решение! Мы все попросим. Кто за то, чтобы Тина ушла, – прошу поднять руки.

Змей, Ева и Лотос подняли руки одновременно с гуру. Чуть помедлив, к ним присоединилась Шаграт. В её взгляде был беззлобный укор: мол, я тебе говорила, а ты не послушалась.

– Если хоть один из нас воздержится, Тина останется, – произнёс гуру. – И мы вернёмся к этому разговору, когда ситуация окончательно выйдет из-под контроля.

Анита колебалась. Видно было, что ей жаль Тину. Но идти против коллектива эта девочка не привыкла. В итоге она нерешительно подняла руку.

– Остался только ты, Тим, – сказал гуру.

Тот махнул рукой и проголосовал за изгнание. Видимо, просто хотел, чтобы кончились конфликты, которые он так не любил.

– Ну правда, Тина, – сказала Шаграт. – Тебе лучше уйти. Ты немножко другая. Ребята, знаете, за что я люблю наше поселение? Здесь спокойно и хорошо. А Тине, как мне кажется, здесь скучно. Просто хочу, Тина, чтобы ты знала: мы желаем тебе добра. Лично у меня к тебе нет никаких претензий.

Пальцы её правой руки с силой переминали комок глины.

– У меня к вам тоже, ребята. Вообще никаких. – Тина встала. – Всем пока, как говорится. Всем спасибо, все свободны...

– Что-нибудь хочешь сказать на прощание? – поинтересовался гуру с ехидцей.

Тина прошлась взглядом по лицам поселенцев и уверенно произнесла:

– Нет, не хочу.

Никто не обнял её на прощание, даже не подошёл к ней. Никаких напутственных слов и ничего такого. Все разбрелись по поселению и приступили к обычным делам. Тина не стала забирать у гуру свой мобильный телефон – ей всё равно некому было звонить. В свою старую дорожную сумку она положила только термос и кое-что из одежды.

Выходя за периметр в последний раз, Тина ничего не почувствовала. Вот что значит уметь легко расставаться с людьми, никогда не привязываясь ни к работе, ни к месту жительства – ни к кому и ни к чему.

8. Мать

Димарь валялся на матрасе с закрытыми глазами, толком ещё не проснувшись. Вспоминал прошлую ночь.

На свидание с Тиной он шёл, прекрасно понимая, к чему идёт дело – опять же не дурак. И не то, чтобы он этого не хотел – так, сомнения одолевали. Ведь он собирался отдохнуть здесь, в деревне, от всего, и от личной жизни в том числе. Да и какой из него сейчас кавалер: ещё сорвётся, скажет что-нибудь не то, обидит. А просто так встречаться, на раз, Димарю тоже не хотелось – Тина заслуживала лучшего.

Он решил, что придёт на пустырь и скажет: «Давай не будем торопиться». А вдруг Тина обидится – подумает, что она ему не нравится? Как всё сложно, а! Надо будет серьёзно с ней поговорить и объяснить: жить вместе они всё равно не смогут, потому что негде, к ним в поселение он жить не пойдёт, а бегать по ночам на свидания – это не для взрослых людей. И у неё могут быть проблемы со своими, как и у него – с матерью и прочими домочадцами. Так что лучше всё свернуть, ещё до того, как развернётся.

Когда они встретились, он так и не смог ничего сказать...

...Димарь на ощупь отыскал мобильник, заставил себя разлепить веки: ого, ничего себе, вот это он поспал! Уже обедать пора.

– Дим, я кушать хочу, – сказала лежавшая рядом Тина и поцеловала его в ухо.

За несколько дней их знакомства Димарь уже отучился удивляться:

– Ты как здесь?..

– Меня выгнали с позором.

– Из-за меня?

– Нет, из-за того, что я не такая, как они.

– И ты сразу ко мне? Тебя видели?

– Да вроде нет. Твои все кто в магазине, кто в саду. Я тихонько прошмыгнула...

– Шальная ты девка! – Димарь поцеловал её.

– Ну что, принесёшь поесть? Меня сегодня не кормили.

– Только я не уверен, что у нас есть вегетарианская еда.

– Да тащи любую, уже всё равно.

Как только наступило время обеда, Димарь спустился в кухню и заявил, что будет есть у себя на чердаке. Попросил, чтобы ему положили побольше.

Жена брата посмотрела на мать, та коротко кивнула.

Остаток дня прошёл спокойно. За ужином Димарь повторил свой маневр, а потом, когда все поели, вернулся на кухню, чтобы заварить чай в термосе Тины.

На кухне была мать. Пока Димарь возился с термосом, она достала из шкафчика пакет с пряниками и выложила несколько штук на тарелку.

– Захвати к чаю.

– Не, мам, я такие не ем.

– А я не тебе.

Димарь чуть не уронил термос.

– Так ты что, знаешь, что ли?

– Что у тебя на чердаке твоя зазноба прячется, которую единоверцы выгнали? Знаю, конечно.

Димарь молчал, подбирая слова. Мать, глядя на него с прищуром, продолжала:

Бледная Шаграт стояла, скрестив руки на груди, глядела под ноги невидящим взглядом. Анита тихо плакала, уткнувшись ей в плечо. Тим сидел на траве, закрыв лицо руками.

– Что случилось? – Глупее вопроса и придумать было нельзя.

Шаграт и Тим даже не посмотрели на Тину. Только Анита, вытерев слёзы кулачком, смогла внятно рассказать, что произошло.

В этот день она встала с рассветом и отправилась в кухонный домик – после изгнания Тины согласилась отдежурить на кухне за неё, чтобы не перекраивать график. Следом встал Змей и приступил к утренней тренировке.

Услышав громкий хлопок, похожий на выстрел, Анита выглянула.

Змей валялся на траве. Сквозь калитку во двор вбегали вооружённые пистолетами люди в чёрных комбинезонах и лыжных масках. Анита упала на пол и закрыла уши руками.

На крыльцо мужского дома выскочил гуру, тоже с пистолетом в руках, тут же спрятался и принялся палить в нападавших. Завязалась перестрелка.

Что-то крича и размахивая руками, на пространство перед мужским домом выбежала Ева и тут же рухнула, нарвавшись на пулю.

Нападавшие бросили в окно бутылку с зажигательной смесью. Гуру, превратившийся в живой факел, выскочил из дома, упал на траву, принялся кататься, истошно крича... Его окружили и расстреляли в упор. Из окна выпрыгнул Тим, решив, видимо, что лучше умереть от пули, чем сгореть, но он уже никого не интересовал: нападавшие убегали, волоча труп одного из своих.

– И ты всё это видела? – спросила Тина. – Я бы в обморок упала, как только стрельба началась.

– Там, откуда я родом, стреляют часто, – сказала Анита.

– Лотос куда-то пропала, – вдруг очнулся Тим. – Надо найти.

– Не найдёшь, – спокойно сообщила Тина. – Она была заодно с теми, кто напал. Засланный казачок. Я видела, как она ночью передаёт кому-то координаты поселения по мобильнику.

– Видела и не сказала? Почему?! – закричал Тим.

– А почему ты ничего не сказал, когда меня выгоняли? Я же видела, ты хотел. Но почему-то не стал. Знаете, что я решила на том судилище, который ваш любимый гуру устроил? Если хоть один из вас хоть что-то скажет в мою защиту – я расскажу про Лотос и мобильник. Ни один не сказал. Что вы за люди, а? Кем вы себя считаете? Свободными? Просветлёнными? Вы были тупыми рабами этого подонка. Кому-то он много зла сделал, раз эти парни приехали аж со стволами, его убивать. И он знал, что за ним придут. Оружие прятал.

Анита и Тим молчали. А Шаграт произнесла:

– Люди погибли. Тебе легче стало?

Тина хотела ответить, но Димарь тронул её за руку и попросил:

– Всё, оставь их.

Он повёл её обратно, мимо деда Семёныча, бормотавшего себе под нос: «Ить вон оно как... Дожили... Даже в девяностые такого не было...»

– Мультик такой был, про буржуя, который на острове поселился и делал вид, что он за мир, а сам тоже оружие в сейфе прятал, – сказал Димарь, просто чтобы что-то сказать.

– Ага. Я смотрела, – сухо ответила Тина.

Помолчали.

– Как думаешь, куда они теперь?

– Кто – поселенцы? Не знаю. Уедут, наверное. Найдут себе нового гуру.

Она остановилась.

И добавила со злостью в голосе:

– Мне всё равно.

Эпилог

Тина не ошиблась. Рассказав полицейским всё, что знали, поселенцы раздарили свои вещи деревенским и уехали втроём на рейсовом автобусе. В деревне их больше не видели.

Сама Тина пропала на следующее утро, не оставив Димарю даже записки. В автобус не садилась – скорее всего, добралась пешком до трассы, а дальше – автостопом.

Димарь жил с матерью ещё два месяца, пока не сошёлся с Аллочкой и не переехал жить к ней. Димарь и Аллочка зарегистрировали брак, вскоре у них родилась дочь. Живут дружно. Иногда к ним в гости заходит Вован Полиглот, если бывает по делам в городе.

Уцелевшая часть поселения стоит заброшенной.

По вечерам на место кострища приходит Евсейка. Подолгу сидит на бревне, что-то напевая и постукивая себя ладонями по коленям, а потом встаёт и, вздохнув, уходит восвояси.